

Вдали сгущались сумерки.

Чжоу Или заехал в дом семьи Чжоу. После совершеннолетия он редко возвращался в виллу, где вырос, — то ли случайно, то ли намеренно.

Чжоу Хэнъяну было всё равно.

Когда взрослые отец и сын сидели вместе, они либо ругались, либо дрались.

— Каша из фиолетового батата должна ещё повариться, — улыбнулась тётушка Чжан. — Учитель Шэнь любит погуще и помягче.

Чжоу Или посмотрел на вязкую сладкую кашу.

—хлопотно, — бросил он и пошёл наверх. — Возьму кое-что.

Тётушка Чжан с улыбкой проводила его высокую фигуру.

Упрямый и гордый молодой господин.

Чжоу Или открыл дверь музыкальной комнаты. Всё оставалось прежним.

Белый рояль у панорамного окна, за ним — огромная альбиция, чьи розовые цветы разливали весенний свет.

Он прислонился к двери и на мгновение потерялся во времени.

Тот человек сидел у окна, стройная спина была прямой, ресницы ловили свет, открывая белую шею, а из-под пальцев текла чистая мелодия.

Щёлк.

Музыка оборвалась.

Он спокойно повернул голову:

— ?

Юноша с половинкой мятной конфеты во рту встретился с ним глазами через объектив и на

несколько секунд замер.

Затем склонил голову и ярко улыбнулся:

— Сфотографировать вас, учитель Шэнь?

— Недорого беру.

Шэнь Цзисин проигнорировал детскую выходку:

— Денег нет. Не надо.

Чжоу Или рассмеялся и подошёл:

— Насколько же ты бедный?

— Тогда бесплатно? Ещё и сам доплачу?

Он нагнулся и протянул камеру. От него исходило горячее живое тепло, дыхание пахло мятной конфетой.

Почти касаясь тонкого белого уха, он лениво попросил:

— С такой охрененной внешностью дай мне пару снимков.

— ...

Что за выражения.

— Ну пожалуйста, учитель Шэнь.

— Хорошо, братец~

Шэнь Цзисин резко поднял глаза.

Ласковому мужчине живётся легче. Перед сладкоречивым львёнком он не мог устоять.

...

Чжоу Или выпрямился и закрыл дверь музыкальной комнаты.

Некоторые люди рождены для объектива. Не показывать лицо Шэнь Цзисина на большом экране было преступлением.

Но никто не умел снять чувства, спрятанные в его душе.

Кроме Чжоу Или.

Эти фотографии до сих пор лежали в ящике его спальни.

Спускаясь, он услышал, как тётушка Чжан разбила тарелку. Звон осколков словно совпал с другим звуком, и Чжоу Или быстро сошёл вниз.

— Не порезались?

— Нет, нет. Разбилось — к счастью, — повторяла она.

Чжоу Или помог собрать осколки.

Он не заметил, что экран телефона в кармане загорелся.

□S□: У тебя в комнате есть аптечка? Мне нужна.

— ...

Шэнь Цзисин подождал, но ответа не получил.

Из пореза на пальце выступала кровь и капала на пол.

Нужно обработать рану.

В гостиной аптечки не было. Раньше он уже искал, а обезболивающее Чжоу Или принёс из спальни. Посмотрев на молчащий телефон, Шэнь Цзисин решил подняться.

Порез мешал двигать пальцами.

Комната Чжоу Или была просторной и светлой, заставленной дорогими инструментами. Он осмотрел все полки и ничего не нашёл.

Оставался прикроватный ящик.

Его ещё не открывали.

Бумажная салфетка пропиталась кровью. Шэнь Цзисин протянул руку, но сзади раздался холодный окрик:

— Кто разрешил тебе входить в мою комнату?

Не дав опомниться, Чжоу Или схватил его за запястье и резко развернул.

От него веяло прохладой улицы. Дикие черты были жёсткими, как у зверя, чью территорию нарушили.

— Кто позволил заходить, пока меня нет?

— Ты и правда решил, что это твой дом?

Кровь бросилась Чжоу Или в голову, пальцы невольно усилили хватку на белом тонком запястье.

Кап.

На пол упала капля.

Чжоу Или медленно посмотрел вниз. Ярко-красная кровь резанула глаза.

— ...

— Простите, — Шэнь Цзисин спокойно высвободил руку. Пропитавшаяся салфетка прилипла к коже, и вид был жалким. Он незаметно согнул пальцы. — Ты не ответил. Я решил сам.

Он тихо извинился:

— Простите. Моя вина.

Шэнь Цзисин прошёл мимо и спокойно вышел.

Дверь мягко закрылась.

Чжоу Или остался стоять и смотрел на алую каплю.

Через долгое время он медленно открыл ящик.

Внутри лежало множество фотографий.

На каждой был один человек.

Сидящий у рояля, холодно и беспомощно улыбающийся ему, заснувший с закрытыми глазами под весенним ветром... и снимок, где Чжоу Или самодовольно целует его в щёку.

Все фотографии были аккуратно сложены и прекрасно сохранены.

Аптечки не было.

Только одинокая бутылочка обезболивающего.

...

Когда Чжоу Или спустился, Шэнь Цзисин уже снял прилипшую бумагу и сидел на диване, оборачивая палец новой салфеткой.

Чжоу Или забрал доставленные лекарства, присел перед ним и посмотрел на неловкую перевязку.

Почему-то это даже казалось смешным.

Его рука зависла в воздухе, затем он всё же положил ладонь Шэнь Цзисина себе на колено и поддел край салфетки.

— Сниму?

Шэнь Цзисин не ответил.

Он сердится. Нормально, что не разговаривает.

— Хорошо, — наконец холодно отозвался Шэнь Цзисин.

Чжоу Или осторожно снял бумагу, не оставляя крошек, смочил ватную палочку йодом и

обработал порез.

— Больно?

— Нет.

Чжоу Или пару раз подул, затем незаметно замер и обмотал палец марлей.

— Что ты резал?

Шэнь Цзисин промолчал.

Наверное, стыдно.

— Аптечки у меня нет. Ладно, еду не заказываешь, но лекарства тоже нельзя заказать? — Чжоу Или поднял глаза.

Шэнь Цзисин холодно посмотрел сверху. Отвечать явно не хотел, но всё же сказал:

— Ты же запрещал раскрывать адрес.

Палец был перевязан. Он спокойно забрал руку.

Чжоу Или посмотрел на длинные опущенные ресницы — ещё изящнее, чем у куклы в витрине.

Сердце словно толкнули.

Оставаясь на одном колене, он усмехнулся:

— Шэнь Цзисин, ты теперь настолько послушный?

Тот замер, собираясь встать.

Его глаза казались влажными и мягкими, но если всмотреться — это был холодный лёд.

Чжоу Или казалось, что он одновременно холодный и обиженный.

Из-за того что Чжоу Или захотел есть, он порезался, не получил ответа на сообщение, не нашёл аптечку и ещё был без причины отруган.

— Я не послушный.

Шэнь Цзисин отвёл глаза и холодно пошёл к столу.

— Я просто живу в чужом доме.

<http://bllate.org/book/18438/1762246>